

ТРАНСФОРМАЦИИ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ВЛИЯНИЕ ДЕНЕГ

Автор: Н. Н. ЗАРУБИНА

ЗАРУБИНА Наталья Николаевна - доктор философских наук, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ (E-mail: sociol@mgimo.ru).

Аннотация. Рассматривается влияние денег на развитие рациональности в новое время и в современном обществе. Опираясь на методологию и выводы М. Вебера и Г. Зиммеля, автор показывает, что деньги служили важнейшим фактором и одновременно итогом рационализации рыночного хозяйства, хотя и порождали, и воспроизводили иррациональность. Прослеживаются особенности развития формальной рациональности в современном обществе, показаны ее новые противоречия. Исследуется влияние виртуальных денег глобальной экономики финансов на трансформации рациональности. Виртуальные "семиотические деньги" становятся фактором гибкости и подвижности мирового хозяйства, причем принципы классической формальной рациональности оказываются препятствием для мобильности и эффективности виртуального капитала.

Ключевые слова: деньги * глобальная виртуальная экономика финансов * рациональность * рационализация * иррациональность

Рациональность и рационализация рассматриваются как базовые характеристики общества модерна, история которого охватывает XVIII - большую часть XX веков, а к важнейшим чертам относятся рациональное познание, рациональная организация хозяйства, рациональное планирование поведения и всей жизни. Соответственно, рациональность противопоставлялась традиционности как важнейшее завоевание прогресса и мыслилась как его основной вектор. В то же время, критики общества модерна порицали рациональность как один из основных его пороков и антитезу нравственности, чести, порядочности, душевности и прочих "универсальных" человеческих качеств, "утраченных" из-за рационализации. Развитие рациональности и ее противоречивые социальные и культурные последствия трактовались многими исследователями, в числе которых, прежде всего, М. Вебер, Г. Зиммель и многие другие, в тесной связи с развитием денег, денежной экономики и их особенностей.

В то же время, именно в связи с деньгами, и особенно в финансовом поведении всегда устойчиво воспроизводятся различные формы иррациональных, аффективных, логически необъяснимых действий. Именно деньги провоцируют азарт, страсти, необ-

---

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант N 07 - 06 - 00186).

думанные решения и противоправные деяния, и последовательная рационализация экономики не способствует их минимизации. В современном обществе деньги провоцируют, на наш взгляд, даже рост иррациональности по сравнению с формальной рациональностью индустриального общества. Это не только эпидемии массовых азартных финансовых игр, время от времени охватывающие общества, но и противоречия, иррациональность в социальной и культурной сферах, порождаемые виртуальным характером глобальной экономики финансов.

Влияние денег на процесс рационализации: становление рыночной экономики и общества модерна

М. Вебер определяет рациональность как "логическую или телеологическую последовательность какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции" [1, с. 308]. Историю хозяйства немецкий социолог рассматривает как процесс рационализации, ведущую роль в котором играют деньги и ставший возможным благодаря их развитию бухгалтерский учет: "Современный хозяйственный строй именно рационализирован в высокой степени благодаря влиянию бухгалтерии; и в известном смысле и в известных границах вся история хозяйства есть история ныне достигнувшего победы экономического *рационализма*, основанного на вычислении и расчете" [2, с. 21].

Развитие денег М. Вебер связывал с *формальной рационализацией* хозяйственной жизни общества, поскольку они привносят в экономику абстрактные правила и принципы расчета и обращения. В основе веберовского понимания механизма рационализации лежит представление об *удвоении мира*, нахождении за его пределами трансцендентных точек отсчета и специфического угла зрения, с позиций которого оценивается и систематизируется реальность [3, с. 760 - 761; 4, с. 242 - 243; 5, с. 13]. Рационализация, таким образом, представляет собой выход за пределы конкретных практик и соотнесение их со смыслами и принципами, находящимися вне них, и потому позволяющими их упорядочить и оценить. В области хозяйства денежная рационализация позволила экономическим акторам преодолеть эмпирическую данность конкретных операций и процессов и перейти на уровень обобщенного обмена, оценки рынка в синхронных и будущих перспективах. М. Вебер обратил внимание на то, что именно развитие денег позволило как предпринимателям, так и домохозяйствам осуществлять сложные опосредованные обмены и ориентироваться на рынок в целом, а не на ближние связи и одномоментные интересы: "Эмансипация хозяйственной деятельности от положения данной минуты, благодаря которой можно спекулировать по поводу будущего положения рынка, также стала возможна только благодаря оценке шансов обмена обеими сторонами на деньги (на денежный счет). ...Только эта функция денег делает возможным для хозяйства, ожидающего дохода, ориентироваться исключительно на шансы рынка, а для "домашнего хозяйства" заранее намечать свой "хозяйственный план" расходования имеющихся в его распоряжении денежных сумм, руководствуясь "предельной полезностью" этих сумм" [2, с. 12].

Правда, ценой такой рационализации становится, как показал К. Маркс, товарно-денежный фетишизм и отчуждение, когда социальные отношения и даже реальные хозяйственные и потребительские взаимодействия людей предстают как отношения вещей и движения денежных потоков [6, с. 294 - 297]. Однако именно это удвоение мира позволяет достигать наиболее полной и последовательной рационализации всех сфер социальной жизни, подчинения ее единой логике - денежного обращения. За пределами реального мира, параллельно ему выстраивается универсум стоимостей, выраженных в деньгах, согласно логике которого индивиды в рыночном обществе оценивают и иерархически выстраивают рациональную картину мира. При этом логика денежной стоимости не зависит от реальной логики вещей и отношений. Г. Зим-

мель особо подчеркивает, что ценность определяется не свойствами предмета самого по себе, а его координатами в системе, задаваемой стремлениями людей [7, с. 346]. Объективируясь в деньгах, эта система служит отправной логикой рационализации реальности: "мы живем в мире стоимостей, которые выстраивают содержание действительности, следуя автономному от нее порядку" [8, с. 60].

Лежащее в основе процесса рационализации удвоение мира приводит к тому, что возникает напряжение и противоречие между рациональной логикой и конкретной данностью реального мира. В случае с деньгами это противоречие проявляется в том, что деньги из абстракции обмена становятся самостоятельной ценностью, подменяющей собой реальные ценности, универсальной целью, к которой стремятся прежде всех других реальных целей. Деньги обладают свойством "сводить все другие материальные и интеллектуальные цели к самим себе, а все шкалы стоимости - к шкале финансовой стоимости" [9, с. 411]. Происходит обесценивание мира реального с его специфическими законами, свойствами и качествами перед миром денег как носителей универсальной и абсолютной ценности.

Так и происходит реальное "расколдование мира" (М. Вебер), когда любая цель и любой мотив лишается своего собственного обаяния, а за любым действием, любым объектом или событием видится лишь их формальное, количественное выражение. "Расколдовывая" мир, деньги не только заменяют страсти и эмоции расчетом, но и лишают смысла все то, что не поддается расчету и формальному выражению: любовь, честь, нравственность, красоту и т.д. Ю. Хабермас считает деньги одним из основных средств, при помощи которого собственно социальные и культурные формы взаимодействия вытесняются инструментальной, технической рациональностью системы, происходит "колонизация" жизненного мира [10, р. 327].

Исследователи, в первую очередь М. Вебер, Г. Зиммель, С. Московичи, отмечали, что деньги формируют особый стиль мышления, благодаря универсализации которого культура рыночного общества в целом приобретает специфические черты. Дело в том, что формальная рационализация, связанная с деньгами, предполагает перенесение на все типы отношений к реальности тех процедур, которые применимы к денежному обращению, прежде всего, *калькуляции*. Калькуляция, количественные вычисления сводят качественные отношения реальных индивидов и вещей к чистым формам, выражением которых и становятся деньги. Г. Зиммель обратил внимание на то обстоятельство, что в Новое время развитие товарно-денежных отношений и монетарной экономики шло параллельно становлению естественных и социальных наук в их современном виде. При этом калькуляция стала моделью объективного и точного знания: "Познавательный идеал это понимание мира как огромной математической задачи, понимание событий и качественных отличий вещей как системы чисел" [8, с. 444]. М. Вебер в своих исследованиях рационализации также проводил параллель между развитием денежных расчетов и точных наук: "В настоящее время его [западного капитализма - Н. З.] рациональность в большой мере обусловлена *исчисляемостью* решающих технических факторов, которые образуют основу точной калькуляции, а это, в сущности, означает, что такая рациональность зиждется на своеобразии западной науки, прежде всего естественных наук с их рациональным математическим обоснованием и точными экспериментальными методами" [11, с. 53 - 54].

С рационализацией связана маргинализация *иррациональных практик*, которой немало способствовало распространение денег и денежных обменов. Приблизительность и спонтанность, смешение целей и средств, объективных и субъективных факторов, рассудочных и эмоциональных решений постепенно устраняется из хозяйствования. Точный расчет целей и средств и последовательность наиболее эффективных шагов достижения желаемого результата вытесняют действие "наобум", с надеждой на удачу, счастливый случай, внезапное везение. М. Вебер отмечает, что рациональная пуританская этика с ее предельно аскетическим самоограничением в повседневном быту отрицает как жадность и страсть к наживе, так и иррациональные траты на

развлечения, не приемлет искусство, спорт, эротику и проч. именно из-за их иррациональности, отвлечения от цели духовного спасения и основного средства ее достижения - рационального образа жизни и производительного хозяйствования [11, с. 198- 200; 1, с. 325 - 335].

К. Маркс также обращал внимание на то обстоятельство, что капиталистическое предпринимательство, ориентированное на рост работающего денежного капитала, не допускает никаких социальных, культурных, эротических и проч. практик, отвлекающих от главной цели, то есть иррациональных по отношению к ней. И поэтому денежная собственность в форме капитала, требующая рационального к себе отношения, становится важнейшим фактором отчуждения личности от общества, культуры и от других людей [6, с. 275 - 276].

Таким образом, деньги и развитие денежного хозяйства являются одними из факторов уникальной *сквозной* рационализации западного общества, особое значение которой М. Вебер видел в том, что она подчиняет единой логике и единым смыслам не отдельные сферы жизни общества, а все сразу¹. Однако именно здесь мы подходим к важнейшим свойствам рационализации, на которое обращали внимание все ее исследователи - *множественности ее форм и способности переходить в свою противоположность, в иррациональность*.

Противоречивость типов рациональности ярче всего проявляется в конфликте формальной и материальной (субстантивной, ценностной) рациональности. То, что соответствует соображениям денежного расчета, нередко противоречит нормам морали, принципам гуманности, солидарности, красоты, духовным ценностям и т.д. Причинами конфликта типов рациональности становятся этические ограничения в ведении бизнеса, во взаимоотношении бизнеса и общества, проблемы социальной защиты малоимущих, поддержания институтов культуры, образования и всех прочих, не связанных с извлечением денежной прибыли. Таким образом, денежная рационализация не только является импульсом развития хозяйства, но и привносит в него источник постоянного напряжения и конфликтов: "Ныне хозяйство, поскольку оно строится как хозяйство для прибыли (доходное), в принципе экономически автономно, основано только на хозяйственных точках зрения и в высокой степени расчетливо, рационально. Но постоянно в такую формальную рациональность вторгаются мощные материальные иррациональности, создаваемые прежде всего разделением дохода, которое между прочим приводит к распределению благ, материально иррациональному (если его рассматривать с точки зрения, например, материально "наилучшего возможного обеспечения благ"), далее, благодаря домашне-хозяйственным интересам, природа которых, с точки зрения доходного предприятия, остается иррациональной" [2, с. 21 - 22].

Особо стоит отметить спекулятивно-финансовый капитал, представленный банками, кредитными, страховыми компаниями и прочими предприятиями, ориентированными на извлечение прибылей из денежного обращения. Его строгая рациональность представляет собой денежный расчет в чистом виде и нередко вступает в противоречия с интересами реальных хозяйственных акторов, предпринимателей и домохозяев.

Кроме того, формальная рационализация на основе принципов денежного обращения практически никогда не изживает все формы иррациональной деятельности в масштабах общества в целом. Хотя М. Вебер и отмечает, что современный капитализм возможен только там, где иррациональная страсть к денежной наживе начинает подчиняться "рациональному обузданию" [11, с. 48], реально людям повсеместно присуще стремление обретать деньги *любыми* способами, в том числе не просто иррациональными, но и безнравственными и преступными. Веберовское разделение рационального и авантюристического предпринимательства возможно лишь на уровне по-

---

¹ Рассуждения М. Вебера о значимости *сквозной* рационализации для становления капиталистического общества содержатся в "Хозяйственной этике мировых религий", а также в работе "Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира".

строения идеально-типических конструкций. Реальный капитализм во все периоды своей истории включал и включает иррациональные авантюристические элементы в большем или меньшем объеме. И здесь необходимо учитывать не только спонтанные, преступные и т.п. способы наживы, не предполагающие затем предпринимательского использования денег, но и не исследуемый М. Вебером в его идеально-типических конструкциях, но обязательно присутствующий в любом предпринимательстве не поддающийся рациональному объяснению фактор таланта, интуиции, страсти, предрассудков и т.д. Характерны описанное социологами присущее финансовым трейдерам восприятие рынка как "высшего существа" [12, с. 453], а также их неспособность рационально объяснить мотивы принятия тех или иных решений [13, с. 437; 14, с. 249]. Кроме того, никогда не было изжито и так же, как и в древности, культивируется ныне иррациональное мистическое и магическое отношение к деньгам, например, специальные магические обряды по их привлечению ("открытие денежных потоков" и т.п.) [15].

Динамика иррационального сочетания рациональности и иррациональности проявляется в финансовом поведении населения, в особенности массовом. Как показали российские исследователи, увлечения финансовыми пирамидами в начале 90-х годов прошлого века продемонстрировали, что изначально рациональные установки в отношении инвестирования переходят в эмоциональную увлеченность, эйфорию или панику, стремление поступать вопреки "голосу разума" и собственным рациональным планам. В таких случаях финансовым поведением управляет уже не столько рациональный расчет, сколько вовлеченность в коллективные действия и коллективные представления [16; 17].

Подводя итог анализа связи денег с развитием рациональности в обществе модерна, следует отметить ее *противоречивость*. С одной стороны, деньги, как это констатировали М. Вебер, Г. Зиммель и другие, прямо способствуют не только рационализации экономики, но и сквозной рационализации всей культуры и социальных отношений в целом. С другой стороны, деньги *сами порождают и воспроизводят иррациональность* не только в форме противоречий между разными типами рационализации, прежде всего материальной и формальной, но и в традиционных формах авантюризма, страсти, спонтанности и т.д. Эта противоречивая связь рациональности и денег проявилась в обществе модерна и приобретает новые формы в современных условиях глобализации, "высокой модернити" (Э. Гидденс) и постмодерна.

Новые виды формальной рациональности

Одним из наиболее последовательных и ярких отражений всей культуры модерна с ее видением человека как рационально мотивированного индивида, поддающегося рациональным способам социальной организации, является фордизм. Он сложился в самом начале XX в., как инженерно-экономическая парадигма организации и управления конвейерным производством, однако его основные идеи и установки распространились и на другие сферы жизни общества. В контексте фордизма рациональный расчет должен лежать как в основе действий менеджеров и предпринимателей, так и работников и простых обывателей-домохозяев; апелляция к этому расчету предстает как базовый механизм их взаимодействия. Причем расчет ориентирован именно на деньги как основное отражение и форму восприятия и оценки рынка, способ ориентации на нем. В фордизме, таким образом, формальная рациональность рынка была доведена до уровня формальной рационализации реального производства и действий его участников. Здесь получили наиболее последовательное выражение такие порожденные развитием денег и денежного хозяйства культурные тенденции, как универсальная калькуляция, методичность, выстраивание долгосрочных планов и расчет перспектив на будущее, основанный на представлениях об устойчивых причинно-следственных связях между решениями, действиями и их последствиями.

Именно благодаря соответствию основных принципов фордизма базовым характеристикам модерна эту парадигму по праву можно считать вершиной культуры индустриального общества. Характерно, что в СССР в период индустриализации, представлявшей собой попытку построить индустриальное общество вне культуры модернити, активно пытались заимствовать и внедрять фордистские принципы организации производства, принимая их за чисто технологические [18]. Однако эти попытки не увенчались ожидаемым успехом, поскольку организация на основе рациональности и универсального расчета на производстве невозможна без столь же рационального расчета его участников, который может быть ориентирован исключительно на деньги как универсальную форму калькуляции, а отнюдь не на "большую идею". Формальная рациональность фордизма вступила в противоречие с материальной рациональностью социалистической индустриализации.

В современном обществе фордизм продолжает сохранять свою значимость в организации крупных конвейерных производств, однако его формальная рациональность претерпела изменения. Одним из наиболее известных современных видов формальной рациональности стала *макдональдизация*, парадигма которой сформулирована и проанализирована в работах американского социолога Дж. Ритцера. В форме макдональдизированных практик, проникших в большинство социально значимых сфер деятельности, формальная рациональность распространяется по всему миру и становится атрибутом глобализации и одним из ее основных движущих механизмов.

Основные принципы макдональдизации, выявленные Дж. Ритцером, - эффективность, калькулируемость, предсказуемость и технический контроль [19, р. 12 - 15], становятся методикой не только организационных и производственных практик в сфере услуг. Финансовые практики на массовом уровне также макдональдизируются: средний вкладчик банка пользуется предлагаемым ему стандартным пакетом услуг, полагается на добросовестность банка в выполнении предусмотренных договором обязательств, редко пытается самостоятельно что-либо контролировать, а тем более изменять. Использование безналичных расчетов в большинстве бытовых повседневных платежей и сокращение использования наличных денег во многих странах является и предпосылкой макдональдизации финансовой сферы, и фактором ее дальнейшего развития. Как подчеркивает Дж. Ритцер, это касается и кредитования, в первую очередь потребительского, в массе своей осуществляемого также не в индивидуальном, а именно в стандартизованном порядке, предполагающем все признаки макдональдизации [19, р. 48 - 49].

Макдональдизация распространяется и на социальные взаимодействия, на отношения между людьми, становящиеся все более стандартизованными, упрощенными, ориентированными на эффективное достижение запланированного (просчитанного) результата и обеспеченными различными формальными методами контроля (договоры, брачные контракты, доверенности и т.д.). Таким образом, специфика макдональдизации как новейшей формы рациональности состоит в том, что она *вносит элементы формальной рациональности в те сферы, которые ранее именно такой рационализации не подвергались*.

Макдональдизация, основывающаяся на универсализации калькуляции, способствует усилению получившего распространение в эпоху модерна принципа исчислимости как основы отношения человека к миру, включая познание и выработку жизненных стратегий. Дж. Ритцер показывает, что с распространением макдональдизации количественные оценки начинают повсеместно преобладать над качественными: предметы оцениваются по размерам, производства - по ассортименту, труд - по количеству продукта на единицу времени и т.д. [19, р. 64; 77 - 78]. Универсализация калькуляции способствует усилению влияния денег, денежного исчисления и денежных оценок на рациональность.

Однако макдональдизация, как любая форма рационализации, является продуктом социокультурного развития, для нее необходимы соответствующие социально-культурные предпосылки, и при их отсутствии акторы оказываются не готовы к специфи-

ческим принципам макдональдизированных практик. Привыкшие к действиям по типам практической или ценностной рациональности индивиды ожидают от них иных результатов, не умеют правильно пользоваться их преимуществами и соблюдать необходимые условия. Так, развитие массового потребительского кредитования в России столкнулось с проблемой неготовности населения: заемщики не читают внимательно текст договора и не вникают в суть условий, а затем оказываются не в состоянии эти условия выполнить и попадают в крайне затруднительные ситуации. Представляется, что здесь речь должна идти не просто о массовой юридической неграмотности. Эта неграмотность объясняется отсутствием культуры формального подхода к окружающему, в первую очередь к собственным отношениям с социальными институтами и другими людьми. Действия, ориентированные на практическую рациональность повседневного прагматизма и инструментализма, оказываются иррациональными в контексте формальной рациональности макдональдизации.

Особое значение приобретает уже упомянутое нами преобладание безналичных денег и расчетов над наличными. В этой форме деньги окончательно утрачивают материальную, вещную ипостась (купюры, монеты) и предстают в своем подлинном существе - как условные абстрактные величины, выражаемые лишь цифрами. Суть повседневных денежных трат остается прежней, но не подготовленному к формально-рациональному восприятию мира и своих взаимодействий с ним индивиду оказывается труднее адекватно управлять деньгами. Известно, что деньги с пластиковой карточки тратятся быстрее, чем наличные [20, с. 8]. Объяснить это можно тем, что актер лишен возможности наглядно представить себе изменение абстрактных количеств как движение реальных объектов ("кошелек пустеет"), а также прибегнуть к их социальной интерпретации с помощью практических традиционных способов, описанных В. Зелизер - отложить, припрятать, разложить в разные места и т.п. [21]. Рациональное управление безналичными деньгами требует знания большого количества правил и условий, их постоянного отслеживания и умения адекватно и своевременно реагировать на их изменения. А все эти навыки повседневной формальной рациональности в условиях повсеместной и массовой макдональдизации требуют не столько какой-то специальной подготовки и специальных знаний и навыков, сколько заложенных в культуре норм и стереотипов действий по принципам формальной рациональности.

Исследователь макдональдизации Дж. Ритцер раскрыл и ее переход в иррациональность, проявляющуюся в отчуждении человеческого разума и приводящую к исключению творческой и личностной активности индивида из его деятельности [19, р. 124; 136 - 139]. Владелец кредитной карты уже не ищет наиболее рациональные в данный момент способы использования своих денег, а лишь следует тем условиям, которые ему предлагает банк. Как отмечает С. А. Кравченко, в результате макдональдизации повышается *средний* уровень рациональности - эффективности, предсказуемости, квалифицированности действий, но эти практики неизменно дегуманизируют социальные отношения [22, с. 111]. Эта рациональность оказывается внешней по отношению к решениям и действиям самого индивида, навязанной ему, а не свободно выбранной поведенческой стратегией.

Влияние виртуальных денег на трансформацию рациональности

Макдональдизация является специфическим проявлением формальной рациональности в современных условиях, отличающихся даже от высокого индустриального модерна начала XX в., поэтому исследователи связывают ее как с модерном, так и с постмодерном и его особенностями [22, с. 112 - 113]. В контексте фрагментированной и индивидуализированной реальности глобального общества макдональдизация повседневной жизни придает ей устойчивость и предсказуемость на массовом уровне.

Особенности современного социокультурного развития определяются глобализацией, приведшей не просто к "концу другого" как результату всеобщей взаимосвязи, но - что особенно важно - к становлению нового уровня социальных взаимодействий, на котором утрачивают значение прежние локальные факторы. Этот уровень имеет собственные формы рациональности, определяемые его причастностью к глобальной экономике финансов и виртуальным деньгам, накладывающим специфический отпечаток на все культурные и социальные отношения. То, что не выходит на этот глобальный уровень и остается привязанным к локальным хозяйственным, социальным и культурным реалиям, подчиняется соответствующим принципам рациональности. Таким образом, можно согласиться с З. Бауманом, который считает, что "каждая социальная среда способствует собственному виду рациональности, вкладывает свой смысл в идею рациональной жизненной стратегии" [23, с. 117].

Специфика рациональности в современных условиях связана именно с социокультурными особенностями общества, которое называют "другим модерном" или постмодерном, подчеркивая не только его отличия от классического модерна, но и наличие принципиально новых качеств, нередко противоположных модернистским. Один из самых глубоких исследователей современности З. Бауман назвал ее "текучей"²; поскольку она, в отличие от классического "твердого" модерна, сопряжена с утратой однозначной детерминации и каузальности (что отражено в популярной среди постмодернистов концепции "смерти Автора"), отказывается от универсальной морали, линейного времени и единой пространственной перспективы. В таких условиях рациональность может быть не только множественной, переходящей в иррациональность, но и *включающей* в себя иррациональные элементы как качественно новые формы рациональности. И виртуальные деньги глобальной экономики финансов, среди прочих факторов, способствуют как плюрализации форм рациональности, так и нарастанию иррациональности в экономике и в других сферах социальной деятельности.

В условиях "текучей современности" и глобализации усиливается дезинтеграция социальных групп и структур, а также личностных идентичностей. Здесь, как подчеркивает З. Бауман, начинают доминировать краткосрочные социальные взаимодействия по типу "кемпинга", где никто надолго не задерживается и никому ничем не обязан, а способность меняться и уходить от прошлого становится залогом успеха: ""Твердая" современность была эрой взаимных обязательств. "Жидкая" современность - это эпоха разъединения, неуловимости, легкого бегства и безнадежного преследования. В "жидкой" современности правят те, кто наиболее неуловим и свободен передвигаться без предупреждения" [23, с. 131]. Что же, как не виртуальные деньги, свободные мгновенно перемещаться в форме электронных импульсов, не связанные с реальной хозяйственной деятельностью, создают возможность для столь радикального освобождения от социальных связей и смен идентичностей?!

Означает ли это, что в условиях глобализации усиливается дисфункциональность денег относительно общества? Представляется, что речь должна идти скорее не о дисфункциональности, а о новой функциональности - становлении *качественно новых* социальных отношений. Ведь в XIX - начале XX веках критикам модерна также представлялась деструктивной и роль денег рынка, которые с современной точки зрения рассматриваются как деньги реальной экономики, соответствующие ее *реальному* состоянию.

В условиях глобализации деньги становятся фактором гибкости и подвижности мирового хозяйства в противоположность индустриальной фордистской парадигме. В этой связи весьма интересен пример биографии Билла Гейтса, приводимый З. Бауманом со ссылкой на Р. Сеннета. Социологи указывают на то обстоятельство, что если

---

² Помимо переведенной на русский язык "Текущей современности" (М., СПб: Питер, 2008), вышли в свет работы З. Баумана "Текущая жизнь" (Liquid Life. - Polity Press, 2005), а также "Текущая любовь".

для "классических" капиталистов индустриальной эры, таких, как Рокфеллер, главной целью был работающий капитал, воплощенный в материальных объектах - заводах, нефтяных вышках, машинах и т.д., то для Гейтса предпочтительнее "находиться в системе возможностей вместо того, чтобы парализовать себя на отдельной конкретной работе", не связывать себя обязательствами, воплощенными в устойчивых отношениях и имуществе [23, с. 135]. Наблюдателей поразила "бесстыдная, откровенная, даже хвастливая готовность Гейтса "уничтожить то, что он сделал, с учетом требований данного момента". Гейтс оказался игроком, который "процветает среди беспорядка". Он был достаточно предусмотрительным, чтобы не развивать у себя привязанности и не принимать на себя длительных обязательств по отношению к чему-либо, включая результаты своей собственной деятельности. Он не боялся сделать неправильный шаг, поскольку никакой шаг не заставил бы его долгое время идти в одном направлении и поскольку поворот назад или отход в сторону оставались постоянно и непосредственно доступными альтернативами. Можно сказать, что в течение жизненного пути у Гейтса не накапливалось ничего, кроме расширяющегося диапазона доступных возможностей" [23, с. 135].

Почему современный глобальный капитализм гораздо меньше, чем капитализм индустриальный, испытывает привязанность к овецистленному капиталу, к определенному рынку рабочей силы и т.п.? Лишь *благодаря виртуальным деньгам*, которые не имеют жесткой привязки к состоянию реального хозяйства и обладают способностью мгновенно перемещаться. "Текучесть" как свойство социального устройства современного общества оказывается связанной с трансформацией денег. Превратившись в "семиотические деньги", в пустые знаки, за которыми не стоят больше реальные отношения обмена, связи человека с предметами, с другими людьми и социальными институтами, деньги действительно дают "диапазон возможностей", и *рационализация состоит в его наиболее эффективном использовании*. В этой связи снова представляется интересным вывод З. Баумана об особенностях современной рациональности: "Делать "рациональный выбор" в эру мгновенности означает стремиться к вознаграждению, избегая последствий, и особенно обязательств, которые могут подразумевать такие последствия. Долговременные последствия сегодняшнего вознаграждения ограничивают шансы на завтрашнее вознаграждение. Долговременность превращается из ценного качества в помеху; то же самое можно сказать обо всем большом, твердом и тяжелом - обо всем, что затрудняет и ограничивает движение...." [23, с. 140].

Таким "затрудняющими движение" тяжеловесными факторами, мешающими рациональности, оказываются многие из необходимых атрибутов рациональности модерна. Прежде всего, это формальные предписания, правила и законы веберовской формальной рациональности. Глобальный виртуальный капитал стремится не столько следовать им, сколько избегать таких сфер, где они могли бы ограничивать свободу движения, а также самостоятельно создавать их в соответствии с собственными интересами. Если для развития рационального капитализма, как утверждал М. Вебер, необходимо наличие устойчивой правовой базы, которая бы создавала для него рамочные условия, то для виртуального капитала глобальной экономики финансов предпочтительно отсутствие любых более или менее жестких рамок [11, с. 54; 24, с. 20 - 22].

Порожденные рациональностью модерна устойчивые и однозначные алгоритмы действий в подвижных, непредсказуемо меняющихся условиях "текучей современности" превращаются в источник неуверенности и потенциального риска. Как отмечает З. Бауман, "наступление мгновенности вводит человеческую культуру и этику на еще не нанесенную на карту и неизвестную территорию, где большинство приобретенных навыков решения жизненных проблем утратило полезность и смысл" [23, с. 140]. Такие атрибуты рационализации, как методичность, ориентация на планомерное движение к заранее намеченным целям в соответствии с тщательно просчитанными средствами их достижения, также утрачивают универсальную значимость. В условиях "те-

кучести" пошатнулись представления об однозначных причинно-следственных связях, линейном детерминизме, соответственно, и об объективных оптимальных путях достижения целей. Если в эпоху становления культуры модерна большим историческим шагом вперед было изживание спонтанности и случайности как проявлений иррациональности, то "текущая современность", напротив, в качестве рациональной стратегии востребует способность не замыкаться в жестких рамках ранее намеченных алгоритмов действий, а принимать спонтанные решения на основании внезапно открывающихся не предвиденных ранее перспектив.

Еще один из специфических типов рациональности, присущих современному обществу, описывает С. А. Кравченко. Он называет его "играизацией" и связывает с наступлением эпохи постмодерна со всеми ее социокультурными особенностями, прежде всего с возрастанием динамической сложности социума и порождением относительного порядка из хаоса множества неупорядоченных флуктуации различных факторов развития. Этот тип рациональности делает возможным "упорядочение неупорядоченности", сочетание рационального и иррационального на основании органичного включения в различные социальные практики "духа страсти, шанса, счастливого случая". К параметрам играизации как "гибридного типа рациональности" автор относит: сознательное принятие отсутствия строгих правил, однозначной детерминированности и каузальности в социальных практиках, требующее активной самоорганизации акторов и развития творчества; гипертрофированную этику успеха; ориентацию на риск и счастливый шанс; снятие противопоставления серьезного и шуточного, реального и вымышленного [22, с. 119; 21; 120 - 124].

Таким образом, важнейшим последствием играизации оказывается признание равнозначности случайного выигрыша и результата долгих методичных усилий, знания и признания правил деятельности и риска, блефа, счастливой случайности. Финансовые практики всегда включали этот элемент, благодаря чему и получили название *спекулятивных*, однако в условиях разрыва виртуальных денег глобальной финансовой экономики и реального производства и рынка он приобрел особое значение. Можно предположить, что именно такие свойства денег, как абстрактность, безличность, универсальность способствовали развитию играизационного компонента как части финансовых практик, ибо он не возможен или существенно осложнен тогда, когда дело касается реальных факторов хозяйственной деятельности: материальных производственных активов, сырья, энергоносителей, готовой продукции и т.д. Когда семиотические виртуальные деньги больше не соотносятся с процессами в сфере производства и обмена, которые они должны репрезентировать, а пускаются, по выражению Ж. Бодрийяра, в "свободное плавание" [25, с. 75], они из сферы закономерности переходят в сферу случайности, произвола, игры. Деньги перестают быть тем, чем они были для хозяйственных акторов и обычных сберегателей ранее - гарантией надежного будущего, позволяющей защититься от колебаний рынка и разнообразных рисков производства, от случайностей и превратностей судьбы. Деньги сами требуют постоянной защиты от инфляции, спекулятивных обвалов курсов валют и прочих рисков, связанных со случайными флуктуациями финансовой сферы как таковой. Причем эти риски, в полном соответствии с современным пониманием этого явления, представляют собой не только опасность и угрозу, но и потенциальный выигрыш, "шанс", который может обрести игрок, если отважится на рискованные действия, а не будет "отсиживаться", ожидая, когда опасность минет. И это актуально не только на уровне глобальных финансовых игроков, но и простых домохозяев, ищущих возможностей не просто сохранить, а еще и приумножить свои сбережения.

В глобальном обществе "текущей современности" - постмодерна семиотические виртуальные деньги оказываются универсальным кодом, обладающим собственными формально-рациональными принципами построения и функционирования и не отражающим процессы в реальности, в том числе реальности хозяйства и рынка. Но может ли такой код выступать фактором рационализации? Как мы показали, рациона-

лизация сопряжена с удвоением мира и упорядочиванием, объяснением его на основе нахождения трансцендентных точек, позволяющих мир *оценить*. Однако код, репрезентирующий реальность, не служит для ее оценки, упорядочивания и объяснения! С помощью кода можно создать лишь *один из множества* возможных вариантов *интерпретации* реальности, который будет рационален только в контексте заданной семантики. Поэтому если деньги служили важнейшим фактором и одновременно итогом рационализации рыночного хозяйства, то в условиях развития глобальной виртуальной экономики финансов их можно рассматривать лишь как проявление специфической "квази-рационализации".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
2. Вебер М. История хозяйства. Биржа и ее значение. М.: Гиперборея, Кучково поле, 2007.
3. Давыдов Ю. Н. "Картины мира" и типы рациональности (Новые подходы к изучению социологического наследия Макса Вебера) // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
4. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М.: Изд-во политической литературы, 1991.
5. Schluchter W. Rationalismus der Weltbeherrschung. Studien zu Max Weber. Frankfurt-am-Main, 1980.
6. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Социология. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
7. Зиммель Г. Философия денег // Теория общества: Фундаментальные проблемы. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 1999.
8. Simmel G. The Philosophy of Money. L., 1978.
9. Московичи С. Деньги как страсть и как представление // Московичи С. Машина, творящая богов. М.: Центр психологии и психотерапии, КСП+, 1998.
10. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol. 2. Boston: Beacon Press, 1989.
11. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
12. Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
13. Аболафин М. Рынки как культуры: этнографический подход // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
14. Козин Ш. К., Ахметова М. В. Мифологический мотив и манипулятивная деятельность на финансовых рынках. Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005.
15. Матвеев С. Магия денег. М.: Рипол, 2005.
16. Радаев В. В. Уроки финансовых пирамид, или что может сказать экономическая социология о массовом финансовом поведении // Мир России. 2002. Т. 11. N 2 (http://www.socio.ru/wr/2_02/Radaev.htm)
17. Кузина О. Е. Иллюзия рациональности: влияние коллективных представлений на инвестиционное поведение вкладчиков финансовых пирамид // Вопросы социологии (тематический выпуск), 1998.
18. Гастев А. К. Как надо работать. М.: 1972.
19. Ritzer J. The Macdonaldization of Society. Pine Forge Press, 2000.
20. Юров А. В. Наличные деньги в эпоху развития электронных технологий // Деньги и кредит. 2001. N 10.
21. Зелизер В. Социальное значение денег. М.: Дом интеллектуальной книги, ГУ ВШЭ, 2002.
22. Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играизационный подход М.: МГИМО-Университет, 2006.
23. Бауман З. Текучая современность. М., СПб.: Питер, 2008.
24. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004.
25. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.